

в издававшемся в Женеве «Вестнике народной воли». «Его возвышение Дон-Кихота — я это очень хорошо помню — показалось натянутым для публики и было большею частью отнесено к чему-то вроде литературного каприза» (цит. по [10, с. 154]).

Возвышение Дон-Кихота нарушило моральную, ценностную репутацию этого образа, которая к середине XIX в. имела длительную историю, прошла через ряд этапов, казалась уже прочной и утвержденной.

Первоначальное восприятие Дон-Кихота было в основном отрицательным. Подводя итог этому этапу литературной рецепции Сервантеса, известный русский ученый прошлого века Н. И. Стороженко отмечал: «Писатели XVII и XVIII в. (С.-Эвремон, Бодмер и др.)... видели в его героетип, хотя и симпатичный, но все-таки отрицательный. Они высоко ценили искусство автора, умеющего соединить в одном лице столько мудрости и безумия, восхищались мастерски очерченными характерами Дон-Кихота и его знаменитого оруженосца, из которых один прекрасно оттеняет другого, от души смеялись над забавными похождениями и трагикомическими неудачами рыцаря печального образа, но им в голову не приходило отыскивать затаенный смысл в произведении...» [12, с. 307—308]. Типична для такого восприятия басня Ж. П. К. Флориана «Дон-Кихот», известная у нас по одноименному переводу И. И. Дмитриева. Решивший оставить рыцарские приключения ради смиренной пастушеской жизни, Дон-Кихот (вопреки финалу романа), впадает в новые чудачества и дает повод для авторской морали: «Ах! часто и в себе я это замечал, / Что глупости бежа, в другую попадал» [13, с. 80]. Жизненный путь персонажа — перманентные заблуждения; доминанта его характера — неизбывная «глупость». Ее обличение и критика вырастают на рационалистической почве, вдохновлены резким разграничением истины и лжи.

Перемена в оценке Дон-Кихота наметилась в предромантическую и романтическую эпоху. От Бутервека через А. В. Шлегеля к Сисмонди («О литературе южной Европы», 1813) идет последовательная тенденция возвышения персонажа. Поскольку ситуация романа толковалась в духе извечного конфликта поэзии и прозы, мечты и действительности, Дон-Кихот выступает средоточием высшего, светлого начала человеческого существования. Место глупости и предрассудков занимает благородное ослепление и энтузиазм. Наиболее полно и философски оформленно выразил эту точку зрения Ф. В. Шеллинг. В своей «Философии искусства» (1802—1806) он писал, что тема романа — «реальное в борьбе с идеальным» и что идеальное «по замыслу в целом торжествует полную победу», в частности, «благодаря нарочитой пошлости того, что ему противопоставляется» [14, с. 386].

Несмотря на жизнестойкость подобной точки зрения, перешедшей из сферы философии в поэзию и вызвавшей отклик у таких художников, как Вордсворт, Байрон и Гюго, в начале XIX в. намечается пересмотр образа Дон-Кихота, его негативная оценка, если не забывать, конечно, о некоторой условности понятия «негативный».

Существует мнение, что такая переоценка произведена была именно в России и что русская традиция принципиально отличалась от западноевропейской. Однако демаркационная линия проходила не между национальными культурами, а между историческими эпохами. Одним из первых переосмысление Дон-Кихота начал Гегель, причем этот факт нельзя не связать с его общей критикой романтического умонастроения и романтической эстетики.

В «Лекциях по эстетике» Гегель отмечал, что Дон-Кихот воплощает рыцарскую инициативу и самостоятельность в новую, «законоупорядоченную», отнюдь не рыцарскую эпоху. «Но после того, как законопорядок в его прозаическом виде достиг более полного развития и стал господствующим, ищущая приключений индивидуальная самостоятельность отдельных рыцарей теряет всякое значение, и если она все еще хочет